

К. И. КОНИЧЕВ

Буря! Скоро грянет буря!
Это смелый Буревестник гордо реет между молний
над ревушим гневно морем; то кричит пророк
победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..».

Сбылась мечта «Буревестника революции» Горького.
В октябре 1917 года грянула Великая Октябрьская социалистическая революция.

Октябрьская революция раскрепостила огромные творческие силы многомиллионной России, искусство стало принадлежать народу. Среди многих, кому советская власть открыла путь в литературу, был и вологжанин Константин Иванович Коницев.

К. И. Коницев родился 26 февраля 1904 года в деревне Поповской Усть-Кубинского района Вологодской области.

В этой деревушке в пятнадцать дворов и прошли дет-

ские годы будущего писателя. Кулаки-барышники и кабатчики-шинкари, староста и поп беззастенчиво обирали крестьян Поповской. Жизнь в нужде, тяжкий труд—вот что было уделом бедных крестьян. Так, перебиваясь с хлеба на воду, жила и семья Коничёвых.

Как-то, в начале зимы, простудилась, слегла в постель и вскоре умерла мать, скромная, забитая нищетой, женщина. Отец попрежнему не мог выбиться из нужды, топил горе в вине; ему некогда было смотреть за осиротевшим сыном, который так и рос на улице, в кругу деревенских ребяташек. Вскоре в опустевший без матери дом снова пришло несчастье: умер отец, и сельский сход определил шестилетнего сироту на воспитание к опекуну.

Разорился однажды скряга-опекун на три копейки и купил мальчику азбуку-самоучку, а хмурой ненастной осенью, скрепя сердце, отвёл нахлебника в Коровинскую церковноприходскую школу.

Когда мальчик окончил школу, опекун посадил его за верстак, учил сапожному ремеслу, использовал на тяжёлых хозяйственных работах.

Однажды Коничев ушёл из дома опекуна и несколько месяцев ходил по окрестным деревням, жил впроголодь на случайные подачки совсем обнищавших в годы империалистической войны крестьян.

Рано столкнувшись лицом к лицу с суровой жизнью капиталистической действительности, любознательный, повзрослевший юноша глубоко познакомился с жалким существованием вологодских крестьян, с их безрадостным, исковерканным царизмом, бытом. Запечатлевшиеся в его памяти события тех лет давали богатый материал для будущих произведений. «Темы вологодские, — вспоминал писатель, — мне очень близки, вжился в них. До того вжился, что, например, в той же «Деревенской повести» мало чего пришлось домышлять».

Осенью 1917 года весть о великих событиях в Петрограде докатилась и до маленькой деревни Поповской. Знаменитые ленинские декреты о земле, о мире взволновали крестьян.

«Имя Ленина, — пишет Коничев, — прогремело в самых отдалённых глухих углах. Оно появилось, как яркий луч надежды, как знамя победное, всколыхнулось над массами народными»¹⁾).

Солдаты возвращались с фронтов в родные вологодские деревни и устанавливали свою, советскую власть. Но снова наступили тревожные события. Эсеры подняли в Ярославле восстание, зелёные банды появились в грязовецких и шекснинских лесах, а в Архангельске высадились английские и американские войска и двинулись на Вологду. Начиналась гражданская война...

В это время Коничев активно борется с кулаками, вместе с продработниками выявляет у них излишки хлеба, работает в комбедах, а потом вступает в сапожную артель, где изготовлялась обувь для бойцов Северного фронта. Зимой 1920 года он добровольцем уходит в ряды Красной Армии, служит в 34-й кадниковской роте.

В 1921 году, после того как красные войска сбросили в море англо-американских захватчиков, Коничев был демобилизован из армии, вернулся в Усть-Кубинское и снова сел за сапожный верстак.

По вечерам, сняв пропитанный дёгтем фартук, Коничев пишет первые свои стихи, разоблачающие классовых врагов, короткие обличительные статьи. Так началась его селькоровская работа на страницах губернской газеты «Красный Север». Живо откликаясь на самые волнующие вопросы, он разоблачал кулаков, спекулянтов и самогонщиков, бичевал бюрократов и взяточников, вёл антирелигиозную пропаганду. Писал молодой селькор и об устройстве дорог, и об организации пожарных дружин в деревне, и о пользе машин в сельском хозяйстве.

и о сапожных промыслах в Устьянской волости, и об установлении первого радиоприёмника в селе Устье.

В статье «Нас воспитала газета» Кони́чев так вспоминает о первых днях своей литературной работы: «Годы военного коммунизма, годы нэпа, годы обострённой классовой борьбы. Ни на один день не покидал связи с газетой. Находясь в гуще народных масс, развивая наблюдательность, изучая жизненный материал, вытекающий из повседневной борьбы за социализм, разоблачая классовых врагов — кулаков и их приспешников, я изо дня в день направлял в газету свои заметки. Они печатались. И была от этого немалая польза».

К селькору всё чаще стали приходить крестьяне из соседних деревень. Нередко они засиживались у него, советовались, рассказывали о своих горестях и неполадках, просили помощи. Через некоторое время в губернской газете появлялась статья молодого селькора. Она была прямо в цель.

В 1923 году Кони́чев вступает в комсомол, работает избачом в Усть-Кубинском, а затем — водоливом на баржах, курсировавших по Мариинской водной системе. С караваном, гружённым лесом, он дошёл до города Вытегры, а оттуда вернулся в Вологду. В 1925 году Кони́чев поступил в губернскую Совпартшколу.

«Двери Совпартшколы были широко раскрыты, — вспоминает писатель. — Старинное здание оживило. Ребята и девчат из всех уездов Вологодчины съехалось человек двести пятьдесят. Многие из них впервые в жизни увидели город. Парни... из-за Вельска, Тотьмы и Каргополя, обветренные здоровяки, когда-то в детстве учившиеся в церковноприходских школах, с великой охотой брались сейчас за настоящую учёбу. Город шёл навстречу деревне — обогащал людей политическими и специальными знаниями». Здесь, в партийной школе, продолжалось политическое формирование писателя. В феврале 1926 го-

да он вступает в члены ВКП(б), ведёт агитационную работу на предприятиях города, в домшинских и чёбсарских деревнях.

Весной 1927 года, после окончания Совпартшколы, К. И. Кони́чев был направлен на работу в следственные органы.

Не прекращает он заниматься и литературой, печатает на страницах «Красного Севера» не только сельковские заметки, но и очерки, рассказы, работает над повестью «Путина». В то время в Вологде существовала литературная группа РАПП — «Борьба». Троцкистские двурушники, орудовавшие в РАПП, всячески тормозили развитие подлинно идейной, передовой советской литературы, не способствовали росту молодых талантов, насаждали групповщину. Состоя членом группы «Борьба», Кони́чев выступает в печати против групповщины и проникших в литературу чуждых элементов. Он начинает печататься в московских журналах «Колхозник», «Молодая гвардия», «Земля Советская», в ленинградском «Резце». На страницах архангельского журнала «Звезда Севера» появляется его повесть «По следам молодости».

В 1934 году в Архангельске вышла книга К. И. Кони́чева «Лесная быль». С тех пор писатель целиком отдаётся литературной работе, учится заочно в Литературном институте Союза Советских писателей, работает редактором художественной литературы в Архангельском областном издательстве.

О гражданской войне на Севере Кони́чев рассказал в книге очерков «Боевые дни». Затем появилась его книга «За родину», в которой повествуется о герое-пограничнике вологжанине Андрее Коробицыне.

В 1941 году выходит в свет «Повесть о Федоте Шубине» — талантливым русском скульпторе-северянине.

Работая в Архангельске, писатель попрежнему был творчески связан с родным краем. Бывая в Вологде, он

подолгу любовался новостройками, воздвигнутыми в городе за годы советской власти. Новые красивые дома возвышались невдалеке от древнего собора и стен кремля, построенных ещё во времена Грозного...

Возвращаясь перед самой войной из родной деревни, Коничев писал:

«Небольшой колёсный пароход выходил из Кубины на широкую гладь озера. Был тихий, спокойный и тёплый июньский вечер. Потревоженные стаи уток носились над простором Кубиноозерья, над пожнями, поросшими густой, в человеческий рост осокой. Чайки с визгом летали над самой водой... В стороне за развалинами древнего Спасо-Каменного монастыря буксир тянул к системе Мариинских каналов баржи, гружённые досками, и плоты экспортной древесины. Рыбачьи карбасы, наполненные рыбой, один за другим шли к Заозерью. Уставшие за день рыбаки, довольные добычей, солидно сидели на свёрнутых сетях и, покачиваясь на лодках, курили трубки. Тишина..., мир!».

Вологодские колхозники приступили к сенокосу, на полях зрели богатые хлеба. Мирной созидательной жизнью вместе со всей страной жили вологжане, а 22 июня 1941 года гитлеровские войска вероломно напали на нашу Родину. Советский народ поднялся на Великую Отечественную войну.

Коничев ушёл на фронт защищать Родину. И случилось так, что его фронтовая жизнь писателя-бойца началась в частях, оборонявших Вологодскую область.

Здесь произошло и первое боевое крещение: вместе с ротой разведчиков и партизанами Коничев ходил в тыл врага; с тех пор участвовал в боях почти на всех направлениях Карельского фронта. После того, как немецкие и финские фашисты были разгромлены, писатель принимал участие в боях против японских милитаристов в Маньчжурии и Корее. События этих лет нашли отра-

жение в его книге «От Карелии до Корен». Среди других воспоминаний об Отечественной войне записки офицера Коничева представляют несомненный интерес. Они дают большой фактический материал о героической борьбе советского народа с фашистами на Севере и на Дальнем Востоке.

В феврале 1946 года капитан Коничев демобилизовался из рядов Советской Армии. Возвращаясь в Архангельск через Вологду, он с любовью смотрел «сквозь серебристое кружево изморози на знакомые, родные места. Смотрел и вспоминал далёкое, незабываемое детство».

Вернувшись к литературному труду, писатель долгое время был ответственным секретарём Архангельского отделения Союза советских писателей. В настоящее время он — главный редактор Лениздата.

Ещё до войны Коничев начал работу над большим произведением о жизни дореволюционной вологодской деревни. В 1940 году он прочёл А. С. Серафимовичу несколько глав «Деревенской повести».

«Пиши, — сказал Серафимович, — получится хорошая документальная повесть. Это же история вологодской деревни. Люди прочтут с интересом».

А. С. Серафимович отметил простоту написанного, хорошее знание писателем сельской жизни. Ободрённый вниманием и положительной оценкой своей работы, Коничев заканчивает первую часть «Деревенской повести» и в 1949 году выпускает её в издательстве «Советский писатель». Затем он завершает вторую часть повести. В 1950 году обе части отдельной книгой вышли в Вологде.

Константин Коничев нарисовал в «Деревенской повести» реалистически-убедительную картину жалкой нищенской жизни дореволюционной вологодской деревни, показал почти патриархально-жестокий быт крестьян, живших к северу от Вологды, с их тёмными суевериями.

и предрассудками, засилье кулаков, старост и старшин, урядников и трактирщиков, душивших простой народ. Вместе с тем писатель подчеркнул чёткое размежевание классово-противоположных, враждебных сил в деревне, острые социальные противоречия, рост на селе революционных настроений.

К новой жизни жадно тянется бедняцкая часть крестьянства: пастух Николай Копытин и сапожник Алексей Турка, забитый крестьянин Василий Россоха и зимогор Додон, всю жизнь гнувший спину на ненавистного кулака. Образ Алексея Турки особенно ярко передает идейный рост бедноты в условиях острой классовой борьбы в деревне. Турка протестует против кулацкой эксплуатации, но лишь после Октябрьской революции осознаёт свою силу. Стремление к правде и знаниям, ненависть к врагам народа — вот что характеризует Турку. Он становится председателем деревенского комитета бедноты, участвует в съезде бедноты в Москве, с жадностью слушает ленинскую речь. Неожиданная смерть прерывает его борьбу за новую деревню. Другой талантливый представитель народа, Афанасий Додонов, вырастает в сознательного члена большевистской партии, стремящегося к светлой жизни.

Лучшими в повести являются страницы, показывающие безрадостно-тяжёлое детство сироты Терентия Чеботарёва. Но читатель сквозь это мучительное рабское существование мальчика и юноши видит формирование его личности, постепенное пробуждение его сознания и, наконец, уже вполне осознанный протест и непримиримую борьбу молодого батрака со старым миром. Автор сумел создать типический образ батрацкого мальчика, нарисовать правдивую картину беспросветной жизни беднейших слоёв вологодского крестьянства до революции.

Критики справедливо отмечали хорошую реалистическую манеру писателя, проявившуюся в «Деревенской

повести», образный и меткий язык, умение скупой и в то же время драматически передать действие, вскрыть психологию человека. Действительно, Коничев умело пользуется народным языком, обильно, но уместно использует частушки, песни, народные пословицы, что придаёт его произведению яркий северный колорит.

Однако писатель не всегда поднимается над фактами личной жизни, ему не везде удалось достичь обобщающих, художественно убедительных сцен, передать величие борьбы за советскую власть и её упрочение в Вологодских краях. Показывая приход Октября, борьбу с зарвавшимися англо-американскими захватчиками на Севере, Коничев не сумел создать эпически-широкого полотна. Отрывочность, сухость изложения, чрезмерное увлечение бытовыми и совершенно случайными событиями — всё это снижает идейно-художественное значение особенно второй части «Деревенской повести».

Книга Коничева — лишь начало большого произведения об истории его родного края. В третьей части «Деревенской повести» писатель предполагает нарисовать новую деревню, её облик, изменившийся за годы советской власти, показать тружеников социалистического сельского хозяйства.

Коничеву принадлежит интересная и полезная книга «Люди больших дел» (1949), в которой он с любовью и знанием пишет о великом русском национальном гении Михаиле Ломоносове, о его современнике — первом русском скульпторе, академике Федоте Шубине и других выдающихся деятелях северянах — мореходах, кораблестроителях, покорителях Арктики, художниках.

Эта книга интересна актуальными и свежими сведениями, собранными в ней. В одном из очерков рассказывается о том, как триста лет назад, задолго до Беринга, уроженец Великого Устюга Семён Дежнев с верховьев Северной Двины дошёл до берегов Великого океана и

открыл пролив между Азией и Америкой. При входе в пролив четыре судна дежневской экспедиции пропали без вести, а остальные обогнули Чукотский мыс, потерпели крушение, но некоторые из членов экспедиции спаслись и вместе с Дежневым дошли на лодках до низовья реки Анадыри. «В такой рискованный, далёкий путь, — пишет Коничев, — мог пуститься только незаурядный, энергичный деятель, выносливый и пытливый северянин, не боящийся никаких невзгод. Устюжанин Семён Дежнев, как видно из описаний, был человеком храбрым, предприимчивым, неусидчивым, стремящимся к новым открытиям».

В 1697 году устюжанин Владимир Атласов на свой счёт первый совершил экспедицию на Камчатку. Обучившись грамоте уже в сорокалетнем возрасте, он описал это своё путешествие, дал ценные сведения о животном и растительном мире Камчатки, о быте и нравах камчадалов. Через несколько лет после экспедиции Атласова неизвестный мореход Степан Глотов вместе с тотемскими жителями Михайлом Холодиловым и географом-самоучкой Петром Шишкиным побывал впервые в районе Алеутских островов. После них русские путешественники всё чаще и чаще ходили на Аляску.

Несмотря на некоторые недостатки, книга Коничева имеет большое познавательное и воспитательное значение.

В 1950 году писатель издаёт книгу «Земляк Ломоносова» (повесть о Федоте Шубине), печатает очерки и рассказы в журналах «Звезда», «Крестьянка», «Дальний Восток», «Полярный круг», в альманахе «Север» и других периодических изданиях.

Коничев не порывает связи с родными местами. Его книги издаются в Вологде. Он принимал здесь участие в первом и втором областных совещаниях молодых писателей, выступал на заседании литературного объеди-

нения с докладом о XIII пленуме правления Союза Советских писателей, читал свои произведения на заводах города, в Пединституте, во Дворце культуры железнодорожников.

Сейчас писатель собирает документальный исторический материал для романа «Пётр Первый на Севере», работает над повестями «К северу от Вологды» и «Путь к нефти».

